

Знание чужого будущего — опасная штука. Оно незаметно отравляет настоящее, искажая восприятие человека здесь и сейчас. Именно это происходило с Го Нуанем всякий раз, когда он смотрел на Лэй Лижэня. Каким бы ребенком ни был сейчас этот девятилетний мальчишка, в его глазах он оставался будущим чудовищем — жестоким, безжалостным палачом, описанным на страницах романа «Боевое зло». Любые уговоры, любые попытки вразумить мальчишка и заставить его отказаться от мести казались ему пустой тратой времени. Ведь в конце концов Лэй Лижэнь все равно превратится в того, кто, ведомый слепой яростью, утопит этот мир в крови.

И все же мимолетная улыбка Лэй Лижэня мгновение назад заставила Го Нуаня запнуться. Этот жест напомнил, что перед ним всего лишь ребенок. В душе мальчишка еще теплились остатки детской чистоты, а значит, его судьбу все еще можно было переписать. Вот только сам Го Нуань, запертый в теле собаки, был бессилен что-либо изменить.

Лэй Лижэнь не понял его странного, суматошного тьяканья. Мальчик просто закрыл глаза и почти сразу провалился в сон — истощенное тело девятилетнего ребенка, не смыкавшего глаз прошлую ночь, не могло больше сопротивляться усталости. Увидев, что его маленький спутник заснул, Го Нуань тоже притих.

До сих пор Го Нуань мнил себя лишь сторонним наблюдателем. Он не собирался вмешиваться в ход истории и перекраивать этот мир под себя. Но теперь приходилось признать: мальчишка стал ему дорог. Пожалуй, все началось в тот момент, когда Лэй Лижэнь не прогнал его, а потом еще и заставил старейшину Ся перевязать собачьи раны. С тех пор он начал считать его другом. В этом жестоком мире встретить душу, с которой можно делить невзгоды — редкий дар судьбы. Свернувшись клубком у бока Лэй Лижэня, пес прикрыл глаза и вскоре тоже задремал.

Проснулись они только к вечеру. Снова наскоро поев и выпив горький лечебный отвар, они двинулись обратно в сторону Храма Бога Войны. С наступлением сумерек улицы заполнила пронизывающая стужа. Храм, конечно, продувался насквозь всеми ветрами, но облупившиеся каменные стены все же защищали от сквозняков лучше, чем открытое небо.

Вернувшись в обжитый накануне угол, человек и собака устроились на ночлег. Сегодняшняя атмосфера казалась не такой удушливо-тревожной, как вчера, но Го Нуань понимал: это лишь затишье перед бурей.

В романе «Боевое зло» здешние нищие описывались как стая диких зверей. У маленького Лэй Лижэня не было при себе ничего ценного, и опустившееся отребье решило измываться над ним исключительно ради забавы, чтобы показать новичку его место. Читатели этой сцены часто плевались на форумах, сетуя на то, что на всем континенте Цзолань не осталось нормальных людей — мол, и сильные, и слабые здесь одинаково больны душой и упиваются чужой болью. Но теперь, с появлением Го Нуаня, все изменилось. Мальчик перестал быть пустым местом в глазах банды. У него появилось то, на что они могли позариться.

Го Нуань смутно осознавал: его присутствие делает сюжет «Боевого зла» пугающе логичным.

Шайка голодных бродяг и упитанный пес, из которого вышел бы отличный сытный ужин. А защищает эту добычу всего лишь девятилетний заморыш. Будь у мальчишки хоть капля боевых сил, они бы не посмели, но сейчас... Стоило появиться малейшему поводу для наживы, как человеческая гниль полезла наружу. Когда Го Нуань читал эту главу дома, сидя перед монитором, его ничего не смущало. Автор романа, Гэань Цзян, прямо писал в аннотации: «Вы даже не представляете, сколько злобы скрывается в человеческих сердцах». Для мира «Боевого зла» подобные проявления низости были обычным делом. Нищие калечили ребенка просто ради забавы, и это никого не удивляло.

Однако некоторые дотошные критики утверждали, что сцена лишена здравого смысла. Зачем взрослым, пусть и опустившимся людям, тратить силы на травлю сироты, если с него нечего взять? Мир, построенный на чистой, бесцельной злобе, казался им слишком картонным и надуманным.

Но теперь, когда в уравнении появилась собака, пазл сложился. Даже в самом мрачном мире злость не рождается на пустом месте — ей нужен катализатор. Го Нуань внезапно понял, что сюжетные дыры, которые они с друзьями так усердно искали в комментариях, действительно существовали. Но стоило добавить в общую картину один неучтенный элемент — его самого, — как нелогичные поступки персонажей обрели злобещий смысл.

Это не было попыткой оправдать плохую прозу автора. Просто если допустить, что у всех этих событий существовала скрытая пружина, не упомянутая на страницах книги — например, одна маленькая желтая собака, — то шестеренки судьбы наконец начинали вращаться без скрипа.

Го Нуань вспомнил загадочные слова Гэань Цзяна: «А ты попробуй». Сейчас, в полумраке заброшенного храма, они зазвучали иначе. Неужели автор намеренно забросил его сюда, чтобы он заделывал бреши в сюжете собственной шкурой?

Как убежденный некогда атеист, Го Нуань отказывался верить в мистику, но происходящее не укладывалось ни в какие рамки. Может, этот Гэань Цзян на самом деле какой-нибудь пришелец со способностями к изменению реальности и искривлению пространства?

Предчувствия были скверными. Если его вмешательство — обязательное условие для того, чтобы запустить маховик истории, значит, будущее больше не предопределено. В тексте книги о нем не было ни слова, а значит, любая случайность могла пустить сюжет под откос. Знания о мире «Бога войны» превращались в иллюзию, красивый фасад, за которым скрывалась опасная неопределенность.

«Каким же извращенным чувством юмора надо обладать, чтобы сделать ключевым двигателем сюжета собаку!» — мысленно чертыхнулся Го Нуань.

Впрочем, в этом крылся и свой, особый азарт. Мир продолжал жить благодаря ему. Пусть сейчас он всего лишь плешивый щенок, но, похоже, судьба отвела ему роль важнейшего

теневого персонажа.

Вот только играть эту роль оказалось чертовски трудно.

Пока Го Нуань витал в облаках, реальность не стояла на месте. Лэй Лижэнь сидел на грязном полу, точь-в-точь как вчера. Он изредка бросал настороженные взгляды на копошащихся в темноте бродяг, и сон не шел к нему.

Вдруг от кучи тряпья отделились три тени. Они целенаправленно двинулись к их углу. Лэй Лижэнь резко вскочил, выдернув Го Нуаня из размышлений. Пес ошетинился, глядя на приближающуюся троицу. Годы, проведенные на улице, превратили этих людей в подобие грязных призраков, почти неразличимых в темноте, но в их глазах горел голодный блеск. И смотрели они не на мальчика. Они смотрели прямо на Го Нуаня.

Их жадные взгляды сочлились омерзительной злобой. Го Нуаню стало не по себе. Он попытился, пытаясь укрыться за лодыжками Лэй Лижэня, но спрятаться от этих хищных взоров было невозможно.

«Да, Гэань Цзян не врал, — подумал пес. — Неважно, виноват ли я в том, что сюжет сдвинулся с мертвой точки, или это просто мое воображение. Факт остается фактом: моя шкура заставила этих тварей действовать».

Знание текста романа больше не давало ему превосходства. Он оказался слеп перед лицом реальной опасности.

Лэй Лижэнь мгновенно понял, куда целятся нищие. Не раздумывая, он сгреб щенка в охапку и рванул к выходу. Но тяжелая ноша лишила его маневренности — драгоценные секунды для побега были упущены.

Го Нуань даже растерялся. Спасать собаку вместо себя? Он-то сам уже приготовился уносить ноги на всех четырех лапах, а мальчишка совершил этот глупый, безрассудный поступок. Прижавшись к худой детской груди, пес почувствовал, как к горлу подкатил ком. Колючий, нелюдимый Лэй Лижэнь, будущий тиран и убийца, в эту секунду явил пример чистой, бескорыстной преданности. Некоторые люди умеют прятать чувства за маской безразличия, но именно в такие моменты их истинная суть выходит наружу.

И все же уйти им не дали. Лэй Лижэнь должен был пройти через это испытание. Даже если бы у них был шанс сбежать, Го Нуань нашел бы способ остаться, ведь именно сегодня мальчик должен встретить того, кто перевернет его жизнь — старого нищего Чжан Мяо.

Круг замкнулся мгновенно. Десятки грязных рук потянулись к ним, каждый хотел урвать свой кусок. Го Нуань, зажатый в тиски детских рук, отрешенно подумал: «Интересно, домашний скот чувствует то же самое, когда его ведут на бойню?» В древней истории голод толкал людей и на каннибализм, но, к счастью, в «Боевом зле» до такого не доходило. Иначе Лэй Лижэню

точно пришел бы конец.

Мальчик волком смотрел на обступившую их толпу. Но дикий, загнанный взгляд мог напугать лишь труса, а этим отбросам терять было нечего. Без знания боевых искусств угрозы Лэй Лижэнь оставались пустой бравадой.

Все решилось в один миг. Один из нищих, крепче остальных, выкинул вперед костлявую руку, целясь прямо в зажатого подмышкой пса. Лэй Лижэнь левой рукой крепче прижал Го Нуаня к себе, правой заблокировал удар и попытался проскользнуть между двумя другими нападавшими.

Но его грубо схватили за воротник. Мальчик попытался сделать подсечку, надеясь пробить брешь в живой стене, но силы были слишком неравны. Девятилетнему ребенку не под силу тягаться с толпой взрослых мужчин.

Го Нуань не остался в стороне. Он щелкал зубами, впиваясь в каждую тянущуюся к ним конечность. Очень скоро во рту появился солоноватый привкус крови. Он понимал: если Лэй Лижэнь выпустит его из рук, нищие мигом разорвут щенка на части, и мальчик ничего не сможет сделать. А если сам пес сбежит, бродяги сорвут всю злость на ребенке.

Единственным выходом было вмешательство Чжан Мяо. Но почему старик вообще должен был помочь? В книге говорилось, что слепец разглядел в глазах мальчика то же упрямство и ярость, что когда-то погубили его самого. Сходство судеб заставило старого бродягу сжалиться. Чжан Мяо когда-то сам лишил себя зрения, осознав, что глаза мешают ему видеть истинную суть людей. Он понял, что доверять можно только сердцу.

Го Нуань истошно залаял, косясь на спящего в стороне Чжан Мяо. Лэй Лижэнь, несмотря на яростную потасовку, заметил, куда метит пес.

Как-никак, в жилах мальчика текла кровь великого клана Лэй. Даже со скверно поврежденными меридианами, incapable применить боевые техники, он ухитрился уворачиваться от ударов и огрызаться. Но на теле уже проступали тяжелые багровые кровоподтеки, а мышцы сводило от усталости.

Тяжелый удар кулаком пришелся мальчику прямо в грудь. Лэй Лижэнь охнул, его хватка ослабла. Понимая, что его сейчас вырвут силой, Го Нуань извернулся, оттолкнулся от его плеча и прыгнул. Ему повезло: он проскочил между грязных ног бродяг и со всех ног помчался к лежащему нищему.

Ощувив пустоту в руках, Лэй Лижэнь вскрикнул. В этом крике было столько отчаяния, что у Го Нуаня сжалось сердце.

— Собака! — вырвалось у мальчика.

Этот полный боли голос заставил пса вздрогнуть. Го Нуань и подумать не мог, что успел занять в сердце будущего тирана столь важное место. В оригинальной истории повзрослевший Владыка Девяти отголосков не терпел рядом с собой никого — ни людей, ни зверей. Все, кто приближался к нему, рано или поздно гибли.

Но сейчас выбирать не приходилось. Го Нуань добежал до неподвижного тела Чжан Мяо, который спал так крепко, словно вокруг не лилась кровь. Не долго думая, пес подпрыгнул и со всей силы припечатал лапу к лицу старого слепца, устроив ему весьма бодрящий массаж.

Старик даже не шелохнулся. В этот момент сзади раздался шорох — кто-то из бродяг уже схватил Го Нуаня за заднюю лапу. Терять время было нельзя. Пес извернулся и мертвой хваткой вцепился зубами в плечо Чжан Мяо.

От резкой боли старый нищий наконец взвыл и открыл глаза.

<http://bllate.org/book/20621/2132189>